

Влада Ясная

МАЛИНОВЫЙ
СОЧЕНЬ
ДЛЯ
МЕДВЕДЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Влада Ясная

Малиновый сочень для медведя

«Автор»

2026

Ясная В.

Малиновый сочень для медведя / В. Ясная — «Автор», 2026

Коллекторы ломятся в дверь. Адвокат Логов предложил контракт: его крыша — моё тело. Он высок, опасен и не совсем человек. Я бросаю его контракт ему в лицо. Но через три дня сама стою на пороге его берлоги, голая под дождём. Я его личная повариха, уборщица и «исполнительница пункта 6.9». Его соседка Вероника — холёная медведица, идеальная пара по крови — точит на меня когти. Он заставляет меня краснеть и печь пироги. И шепчет: «Никогда не уйдёшь». Но я ещё не знаю: это любовь или новый пункт контракта? Что внутри? # медведь-оборотень# дикая соперница# страсть через страх# малиновые сочни

© Ясная В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ломятся в дверь	5
Глава 2. Сама приползла	9
Глава 3. Аркадий	15
Глава 4. Наказание и награда	19
Глава 5. В первый раз	24
Глава 6. Запах малины и стаи	28
Глава 7. Вероника подливает масло	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Влада Ясная

Малиновый сочень для медведя

Глава 1. Ломятся в дверь

В дверь бьют ногой. Три удара – глухих, тяжёлых, как мясо об разделочную доску.

– Выйди, сука, поговорим!

Маша вздрагивает. Свеча качается, тени прыгают по стенам. На обоях цветочки – дешёвые, с блошиного рынка. Один цветок сейчас похож на череп.

– Выйди, сказал!

Голос низкий, пропитанный куревом и злобой. Она слышит перешёптывания, смешки. У них есть ключи? Нет, хозяйка клялась, что поменяла замки после прошлых жильцов. Но эти ребята не из тех, кто спрашивает разрешения.

Квитки на столе разложены веером. Маша смотрит на них уже пятнадцать минут, но цифры плывут, складываются в одну и ту же сумму – 3 200 000. Три миллиона двести тысяч. Почему-то именно эта двести тысяч бесит больше всего. Ну было бы три ровно, или три с половиной. А так – какая-то издевательская точность, как будто кто-то специально высчитывал, когда она треснет.

Она треснула уже давно. Просто ещё не поняла этого.

Квартира съёмная – однушка на первом этаже, батареи еле дышат, окна выходят на помойку. Маша сидит при свечке. Свеча пахнет ванилью. Она из дешёвого набора, который она купила в супермаркете перед Новым годом. Теперь этот запах намертво привязан к звону в ушах и липкому страху.

– Надо было брата сразу послать, – вслух говорит она. Голос в пустой комнате звучит чужим, как по радио.

Пuls отдаётся в висках. Маша зажимает рот рукой, чтобы не дышать громко. Всё. Доигралась. Она же предупреждала себя: не бери кредиты на дурака. Не будь душой. Но Серёжа тогда плакал в трубку. Говорил, что жена уйдёт, если они не сделают евроремонт. Что он её любит, что это последний шанс. А Маша? Маша подписала. Потому что если не она, то кто? Мама? У мамы пенсия. Бабушка? Бабушка уже на том свете, и там кредитная история не портится.

– Слышь, ты, – другой голос, более писклявый, как у недорезанного хоряка. – Мы знаем, что ты дома. Свет горит.

Ни хера не горит. Свеча. Но спорить бесполезно.

– Если не откроешь, выломаем дверь. Тебе же хуже будет. И матери твоей позвоним. Она в Туле живёт, да?

Маша холодеет. Они знают её адрес. Знают телефон матери. Знают, где та работает. Месяц назад она отдала им копию паспорта, когда брала очередную отсрочку. Идиотка. Какая же она идиотка.

Брат Серёжа – старший на два года. Всегда был «бедняжка». Сначала бедняжка, потому что отец ушёл. Потом бедняжка, потому что в школе двоечники задирали. Потом бедняжка, потому что институт не потянул. Потом бедняжка, потому что жена – стерва, выгнала.

Жена, кстати, нормальная была тётка. И работала, и его содержала. Серёжа дома сидел, в игры рубился и строил бизнес-планы, которые никогда не реализовывались. Но в глазах мамы и бабушки он всегда был талантливым, просто не оценённым. А Маша – удобная. Всегда удобная. «Маш, помоги брату, у него кризис». «Маш, он хороший, просто сложный период». «Маш, он же семья».

Вот и допомагаюсь. Кредиты на ремонт в их с женой квартире. «Мы ж тебе отдадим, как только Серёжа устроится». Серёжа так и не устроился. Жена его выпнула через полгода после ремонта. Теперь Серёжа живёт у мамы в общежитии, орёт на неё и пьёт. Маме жалко – сыночка же. Тысяча двести – на «Ренессанс», тот, что для ламината. Ещё восемьсот – на «Хоум Кредит», кухонный гарнитур, который Серёжа так и не собрал, он теперь пылится в маминой кладовке. А самый жирный, на миллион двести – в Сбере, под честное слово, что через год вернёт, когда «бизнес раскрутится». Какой бизнес? Он же даже веб-камеру не мог настроить для созвонов. А она верила. Верила, потому что мама сказала: «Ты же умница, разберись, помоги брату». Вот и разобралась – по самые помидоры.

Маша не жалеет. Маша злится. Но злится тихо, в себя, потому что если начать орать – кто тогда будет удобной? Кто будет той самой, на которую можно положиться? Если она перестанет быть удобной, то перестанет быть нужной вообще.

А это страшнее коллекторов.

Только вот коллекторы – они не мама. Им плевать, удобная она или нет. Им нужны деньги. А если денег нет – то нужна она сама. Где-то в подсознании всплывает история соседки из второго подъезда: её нашли через три дня в собственной ванне.

Телефон в руке становится скользким от пота. Телефон. Нужно звонить. Кому? Полиция? Приедет через час, если вообще приедет. А эти выломают дверь за пять минут.

Она листает контакты трясущимися пальцами. На экране рябь – слёзы мешают. Мама? Бесполезно. Подруги? Те, что остались, сами сидят по уши в ипотеках. Коллеги? Скажут «ой, всё, до свидания», потому что лишние проблемы никому не нужны.

– Открывай, падла! – третий голос, басистый, с хрипотцой. – Щас мы тебе устроим цирк.

В голове всплывает визитка. Белая, с чёрным шрифтом. Она её положила в ящик стола месяц назад, когда отбилась от первого звонка коллекторов. Просто так, на всякий пожарный. Юридическая помощь при взысканиях. Логов А. Б. И номер.

Маша лезет в ящик. Ручки, скрепки, старые чеки. Она выуживает карточку, пальцы не слушаются.

– Я звоню в полицию! – кричит она в сторону двери. Голос срывается, получается тонко и жалко.

– Звони, – ржут за дверью. – У нас с ними договорённость.

Врёт? Наверняка врёт. А может, и нет. Визитка белая, лаконичная, без лишних кренделей. На обратной стороне – ничего. Маша вертит её в пальцах, смотрит на буквы «Логов А.Б.». Она его гуглила ещё месяц назад, когда коллекторы в первый раз позвонили. Нашла сайт – строгий, чёрно-белый, без улыбок. И фото: мужчина с тяжёлым взглядом, стоит перед зданием суда, руки в карманах пальто. Никаких отзывов от клиентов – только иконка «доверенность онлайн». Тогда она подумала: «Вырядился, как гробовщик». А сейчас ей плевать, как он выглядит. Лишь бы выгнал этих.

Палец висит над вызовом. Стыд жжёт затылок. Она – взрослая женщина, а звонит какому-то мужику, потому что боится открыть дверь. Дура. Натуральная дура. Но дверь трещит по швам.

Она нажимает «вызов». Гудки. Длинные, тягучие. На четвертом поднимают.

– Логов.

Голос низкий, спокойный. Никакого «алло» или «слушаю». Просто фамилия. Так бьют в лицо, не здороваясь.

– Помогите, – выдыхает Маша. – Ко мне ломятся. Коллекторы. Я по поводу... Долг у меня. Три миллиона. Я знаю, вы юрист. Я...

– Адрес.

Она диктует. Путается в цифрах, называет номер квартиры дважды. Он молчит, потом:

– Через три минуты буду. Не открывайте.

Короткие гудки. Маша прижимает телефон к груди. Смотрит на дверь. Та ходит ходуном – пинают уже не ногами, а плечами, с разбегу.

– Сука, мы сейчас вынесем эту дверь нахуй!

Она забивается в угол между стеной и холодильником. Холодильник старый, советский, гудит так, что кажется, сейчас взлетит. Маша прижимается спиной к теплему гладкому боку, но холод почему-то пробирает даже через кофту.

Дверной косяк начинает крошиться. А потом – тишина. Резкая, как удар. Голоса стихают. Слышно только тяжёлое дыхание – и вдруг шаги. Не мягкие, не крадущиеся. Тяжёлые, уверенные. Чужие.

– Убирайтесь.

Голос – тот, из трубки. Низкий, без эмоций. И в этом «убирайтесь» не слышно угрозы. Слышно обещание.

– Слышь, чувак, ты кто такой? – хорёк пищит, но уже не так уверенно.

– Адвокат должницы. И вы сейчас уйдёте по-хорошему. Или я позвоню вашему работодателю. У него, кажется, проблемы с лицензией?

Пауза. Шёпот. Потом – шаги удаляются. Хлопает подъездная дверь.

Тишина. Ноги одеревенели, спина прикипела к рёбрам батареи, но она не чувствует холода – только дрожь, которая идёт изнутри. Грудная клетка ходит ходуном, воздуха не хватает. Стук в дверь – вежливый, дважды.

– Откройте, Логов.

Она поднимается на ватных ногах. Цепочка, замок, ещё замок – три штуки, как в камере хранения. Открывает. На пороге – фигура, которая не помещается в дверной проём. Не человек – шкаф на ногах. Подмышкой черная кожаная папка. От него пахнет не одеколоном, не табаком, а чем-то лесным, хвоей, опавшей листвой и ягодами. Волосы светлые, но из-под закатанных рукавов видна шерсть даже на запястьях, и в расстёгнутом вороте рубашки тоже. Да, именно шерсть – она видит, когда он проходит мимо, тёмные волоски на запястьях, как у зверя. Дыхание перехватывает от его запаха, от того, как он заполняет собой весь дверной проём. Она не хочет знать, что это значит.

Лицо как из камня высечено: крупные черты, скулы, мощный подбородок. А потом он поднимает глаза. И она понимает, что всё это время не смотрела на них. Потому что если посмотреть в эти колодцы – можно провалиться. Там нет дна. Там только холодная, безжалостная уверенность: ты уже моя, просто пока не знаешь. Он смотрит на неё, на свечку, на квитки на столе, и его ноздри чуть раздуваются – будто принимаются. В глазах пляшут оранжевые искры.

– Вы Маша?

Она кивает.

– Одевайтесь. Едем ко мне.

– Что? – не понимает Маша. – Зачем?

– Затем, что завтра они вернутся. И не одни.

Он входит без приглашения. Оглядывает комнату – но не любопытно, а оценивающе, как следователь на месте преступления. Потом достаёт из папки несколько скреплённых листов. Его рука, когда он протягивает контракт, огромная, с квадратными ногтями. Никакого маникюра. Вены вздуты, как у грузчика после смены. Но пальцы – длинные, с крупными суставами, и почему-то именно эти пальцы она разглядывает дольше всего. «Сожмёт – кости хрустнут», – думает Маша. И внизу живота становится тесно и горячо.

– Вот мой контракт. Читайте.

Маша берёт бумаги. Руки трясутся. Строчки прыгают, но она пытается вчитаться. «Предмет договора: оказание услуг по личному обеспечению, проживанию, питанию, а также физи-

ческому сопровождению Заказчика по его требованию... Пункт 6.9 – Телесный контакт по требованию Заказчика...».

Она поднимает взгляд. Он стоит неподвижно, скрестив руки. Ждёт.

– Это что за хрень? – голос её срыгается на фальцет. – Вы что, предлагаете мне...

– Я предлагаю вам безопасность. Крышу. Еду. Возможность не спать в подъезде. Платить по долгам вы всё равно не сможете. А я – смогу.

– Вы хотите... секс за долги?

– Я хочу исполнить пункты договора. Остальное – ваша интерпретация.

Он говорит это так спокойно, будто обсуждает погоду. Ни тени смущения, ни давления. Просто факт.

Маша сжимает бумаги. Горло перекрывает злость – давняя, вьёвшаяся в зубы.

– Пошли вы, – говорит она. И бросает контракт ему в лицо.

Листы разлетаются веером. Один падает на свечку, край загорается. Сначала тлеет уголок, потом вспыхивает оранжевым. Маша смотрит на огонь, и почему-то ей кажется, что это горит не контракт, а её жизнь. Ну, или её совесть. Та, что позволяла брать кредиты на дурака.

Логов не двигается. Не пытается потушить. Только переводит взгляд с неё на пламя, с пламени на неё. И на его губах – нет, не ухмылка. Ледяное любопытство. Он ждёт, что она сделает дальше. Побежит за водой? Закричит? Или сама прыгнет в этот костёр?

Маша застывает. Горит бумага, пахнет горелым и ванилью. Ей хочется плюнуть ему в лицо ещё раз. Хочется завывать, как тогда в клинике, когда сказали «всё бесполезно». Хочется быть сильной. Но сильные не сидят в однушке с отключённым светом и не звонят незнакомым мужикам.

– Уходите, – говорит она. Но выходит так тихо, что сама себя не слышит.

– Приползёте сами через три дня, – говорит он. И выходит.

Дверь закрывается. Маша стоит посреди комнаты. Свеча догорает, ваниль сменяется запахом гари. Слово «приползёте» впивается в затылок, как заноза. Она уверена, что не приползёт.

Совсем. Никогда.

Спорим?

Но в глубине, там, куда она боится заглядывать, кто-то шепчет: «А если бы ты согласилась?» Крыша. Еда. Никаких коллекторов. И он... этот... с пальцами, как у грузчика, и с глазами, которые видят насквозь. Он бы тебя трогал. По требованию».

Маша зажимает уши ладонями. Громко, чтобы перекричать себя, говорит:

– Пошёл ты, Логов!

Глава 2. Сама приползла

Три дня превращаются в три круга ада, и каждый новый круг Маша проходит босиком по раскалённым углям собственной гордости.

На второй день после визита Логова коллекторы не просто звонят в домофон, а перекрывают канализационный стояк во всём подъезде, и соседи сверху орут так, что люстра в прихожей мелко дребезжит, а снизу кто-то стучит шваброй по потолку с требованием выйти и разобраться. Маша сидит на корточках посреди кухни и смотрит, как из сливного отверстия раковины медленно поднимается мутная вода с неприятным запахом, и это зрелище гипнотизирует её ровно до того момента, пока не слышится настойчивое жужжание. Телефон вибрирует, высвечивая «Мама».

– Ты что там наделала? – голос мамы звучит на грани истерики, и Маша слышит, как на заднем плане Серёжа что-то пьяно бормочет про «эту дуру, которая всё просрала». – Мне только что позвонили какие-то люди и сказали, что если ты не заплатишь, то они приедут в Тулу и разберутся со мной. Лично.

Челюсти сводит так, что мышцы на скулах начинают болеть. Но злость эта, как всегда, не находит выхода наружу. Она оседает под рёбрами, тяжелеет, давит на диафрагму.

Она вешает трубку, не попрощавшись, и понимает, что выбор у неё как в столовой: либо она остаётся в этой квартире и ждёт, когда коллекторы выполнят обещание и приедут к матери, либо она делает то, что сказал тот страшный человек с венами-канатами на руках и холодными глазами.

К восьми вечера того же дня Маша натягивает джинсы, свитер с высоким воротом и вечно промокающие ботинки, единственные которые у неё есть, а сверху набрасывает старый плащ, купленный ещё на аспирантскую стипендию, и заказывает такси через приложение, потому что ехать на общественном транспорте в пригород ночью – это уже не экономия, а чистой воды мазохизм.

Таксист, грузный мужчина с запахом жареной картошки с заднего сиденья, всю дорогу косится на неё и дважды спрашивает, точно ли ей нужно в этот посёлок. Маша не отвечает, только смотрит на залитое дождём стекло и считает столбы освещения, которые проплывают мимо с интервалом в несколько секунд. Каждый новый фонарь – на один шаг ближе к его дому. Как шаг к краю обрыва, когда ноги уже не слушаются, а тело летит само.

Дом Логова находится в конце улицы, за высоким кованым забором, и таксист тормозит у калитки с явным облегчением, берёт оплату картой и сразу уезжает, даже не дождавшись, когда Маша зайдёт внутрь.

Дом стоит в глубине участка, за аккуратной живой изгородью из низкорослых елей, и фасад его сложен из тёмно-серого кирпича с грубой фактурой, напоминающей необработанный камень – холодный, шершавый, непроницаемый для посторонних взглядов. Огромные панорамные окна первого этажа сейчас кажутся чёрными провалами, потому что свет горит только где-то в глубине, и эти чёрные квадраты отражают ночное небо, разрезанное косыми нитями дождя.

Крыша дома пологая, почти плоская, с широкими карнизами, нависающими над стенами, и Маша задирает голову, пытаясь разглядеть второй этаж, но окна там не подсвечены, и только силуэт широкой террасы с коваными перилами угадывается на фоне туч.

Вдоль забора тянутся фонари на высоких столбах, излучающие мертвенный свет, который смешивается с тьмой и делает каждый куст, каждую дорожку нереально чёткими, почти осязаемыми, как на рентгеновском снимке.

Калитка открывается без скрипа, плавно. Гравий хрустит под ногами. Справа от дорожки – гараж на две машины, но ворота его закрыты. Слева – небольшой сад с кустами, подстрижен-

ными в форме шаров и конусов, и эти геометрические фигуры в темноте выглядят как шахматные фигуры, расставленные сумасшедшим игроком.

Ступени крыльца – из тёмного, почти чёрного дерева, широкие, низкие, и перила кованые, с узором из переплетённых ветвей и листьев. Дверь массивная, дубовая, с матовыми вставками из тёмного стекла, и ручка на ней массивная, бронзовая, в форме звериной лапы, сжимающей кольцо. Маша не сразу решается нажать на звонок. Стоит секунду, другую, собираясь с духом

Дождь льёт как из ведра: настоящий, хлёсткий, с крупными каплями, которые затекают за шиворот, стекают по позвоночнику, и она не может сдержать дрожь. Маша жмёт на кнопку звонка, и её палец дрожит так сильно, что приходится придерживать его другой рукой.

Логов открывает не сразу, и за время ожидания Маша успевает промокнуть до нитки, и сейчас вода течёт с её волос на лицо, смешиваясь со слезами. Дверь распахивается, и на пороге стоит Логов в тёмно-синем банном халате из махровой ткани, и халат этот не завязан, а только накинут, так что Маша видит широкую полосу влажной кожи от ключиц до солнечного сплетения, где начинается тёмная, курчавая поросль, спускающаяся ниже, туда, куда взгляд заглядывать не должен, но всё равно заглядывает.

На шее у него отчётливо блестят капли воды, и одна из них медленно ползёт вниз, огибает выступающий кадык и теряется где-то в углублении между грудных мышц, и Маша прослеживает эту траекторию с такой жадной концентрацией, как будто от этого зависит её жизнь.

Волосы у Логова ещё влажные, пряди прилипают ко лбу и затылку, и в мягком свете прихожей они кажутся темными, с редкими серебряными нитями у висков.

Воздух из прихожей пахнет хвоей и мускусом, и этот запах такой плотный, такой насыщенный и тяжёлый, что Маша почти чувствует его вкус на языке – горьковатый, терпкий, с древесной ноткой, как настойка на кедровых орехах – горькая, терпкая, обжигающая. Только сейчас жжёт не горло, а низ живота.

Логов не улыбается, не проявляет ни капли радости или удовлетворения от её появления. Серые глаза с золотыми всполохами, которые вспыхивают, когда он переводит взгляд с её лица на тело – цепко сканируют её фигуру с ног до головы и обратно, задерживаясь на мокрой майке, которая облепила грудь так, что под ткань угадываются очертания сосков, и на дрожащих бёдрах, и на сжатых в кулаки пальцах.

Он не торопится, его взгляд скользит по ней, как грубая ладонь, которую приложили без спросу, и от этого воображаемого прикосновения по коже Маши бегут мурашки, начиная от затылка и заканчивая копчиком, и она ненавидит себя за то, что не может остановить эту реакцию, не может приказать телу не чувствовать, не отвечать на его безмолвную оценку.

– Я говорил, что приползёшь, – произносит он, и голос его звучит низко, с лёгкой хрипотцой, словно он только что проснулся или долго молчал, и этот тембр вибрирует где-то в грудной клетке, отзываясь глухим отзвуком в животе.

Маша хочет сказать что-то острое, что-то колкое, чтобы вернуть себе хотя бы иллюзию контроля, но язык прилипает к нёбу, и из горла вырывается только сиплый выдох, похожий на всхлип.

А между ног становится влажно – горячо, липко, предательски, и Маша сжимает бёдра, надеясь, что он не заметит, что он не обладает каким-то звериным чутьём, способным уловить этот запах возбуждения, который, кажется, заполнил всю прихожую.

Но Логов уже разворачивается, бросая через плечо:

– Заходи и раздевайся у порога. Полотенце в шкафу справа.

И его халат на секунду распахивается шире, и Маша остаётся стоять, парализованная, с мокрыми трусами.

«Я пропала». Это всё, что остаётся в голове.

Маша переступает порог, и её мокрые ботинки оставляют на паркетном полу тёмные влажные следы.

Прихожая огромная, с высоким потолком и матовыми светильниками, которые излучают мягкий, рассеянный свет, и этот свет не режет глаза после уличной темноты, но заставляет каждую деталь выглядеть слишком отчётливой: деревянные панели на стенах, зеркало в тяжёлой раме, кованую вешалку, на которой висит только одно пальто – мужское, чёрное, длинное.

Маша снимает ботинки. В доме тепло, даже жарко, и эта разница между ледяным дождём и сухим, обволакивающим теплом ударяет в голову сильнее, чем любой алкоголь.

Она стаскивает промокший плащ и вешает его на свободный крючок, не спрашивая разрешения, потом снимает свитер, и под ним оказывается простая чёрная майка, которая тоже промокла, и Логов наблюдает за её манипуляциями со спокойствием хирурга, который ожидает, когда пациент сам разденется перед операцией.

– Я сказал – разденься у порога, – повторяет он, и в голосе появляется лёгкое металлическое дребезжание, как если бы кто-то провёл ногтем по лезвию ножа. – Полотенце в шкафу. После этого наденешь мою футболку и пойдёшь за мной.

Маша открывает шкаф, встроенный в стену, и внутри на полках лежат аккуратно сложенные вещи, все тёмных тонов, и одно белое полотенце на нижней полке, большое, пушистое, пахнущее той же хвоей, что и сам хозяин дома.

Она вытирается быстро, дёргаными движениями, чувствуя, как махра полотенца царапает замёрзшую кожу, а Логов стоит у двери, скрестив руки, и не отводит взгляда, но и не пялится – просто смотрит, как контролёр в метро проверяет проездной: без интереса, по обязанности.

Влажные джинсы липнут к ногам, и Маша с трудом стягивает их, оставляя на полу мокрый комок, а затем надевает протянутую футболку – огромную, чёрную, с длинными рукавами, которая доходит ей почти до колен и пахнет чем-то древесным и слегка сладковатым, как кора после летнего ливня.

– Следуй за мной, – говорит Логов и разворачивается, не проверяя, идёт ли она за ним.

Он ведёт её по коридору мимо гостиной с огромным камином, в котором ещё тлеют угли, и Маша успевает заметить кожаный диван, низкий журнальный стол, а на стенах – несколько картин с лесными пейзажами.

Комната для Маши находится в конце коридора, и Логов открывает дверь, пропуская её вперёд.

Комната маленькая, но чистая – настолько чистая, что пахнет даже не дезинфекцией, а какой-то стерильной пустотой. Стены выкрашены в бледно-серый цвет, на полу лежит простой ковёр, в углу стоит платяной шкаф из светлого дерева, а у окна – железная кровать с туго натянутой белой простынёй и серым шерстяным одеялом.

Железная кровать – не та, что показывают по ящику с кованными спинками, а грубая, больничная, с панцирной сеткой, которая наверняка будет скрипеть при каждом движении.

– Завтра в восемь утра – собеседование, – говорит Логов с порога, не заходя внутрь. – Спать будешь голой. Футболку снимешь и положишь на стул в углу.

Маша открывает рот, чтобы возразить или спросить зачем, но он уже разворачивается и уходит, и его шаги гулко отдаются в коридоре, а затем стихают где-то в гостиной.

Она стоит посреди комнаты несколько минут, сжимая руками подол футболки, и чувствует, как влага от волос пропитывает воротник, и капли падают на плечи, и эти капли холодные, хотя в комнате жарко.

Потом она стаскивает футболку через голову, и она остаётся совершенно голой под серым потолком с единственной лампой без абажура.

Кровать встречает её скрипом панцирной сетки, и одеяло оказывается колючим и жёстким, но тёплым, и Маша зарывается в него с головой, как в единственное убежище, которое у неё осталось.

Слёзы приходят не сразу – сначала ком в горле, потом первая судорога, потом тихое всхлипывание, а затем она плачет уже в полную силу, уткнувшись лицом в подушку, которая пахнет стиральным порошком и чужим, мужским, тяжёлым запахом.

Она плачет от страха, от унижения, от того, что мама не защитила её даже на расстоянии, от того, что Серёжа пьёт мамину пенсию и никто ему слова не скажет, от того, что её собственная жизнь разлетелась на куски, и эти куски невозможно склеить даже самым дорогим клеем.

Но между ног – влажно.

И это влажно не от слёз, не от воды, не от холода, а от чего-то такого, что Маша отказывается признавать даже в самых тёмных уголках своего сознания, потому что если признать это сейчас, то у неё не останется ничего – ни гордости, ни самоуважения, ни права называть себя жертвой, а не добровольной участницей этой страшной, грязной игры.

Она зажимает бёдра плотнее, словно это может остановить предательскую влажность, и плачет ещё громче, но теперь уже от стыда, который смешивается со страхом и превращается в липкую, противную субстанцию, заполняющую всё нутро до отказа.

За стеной что-то шумит – возможно, Логов переставляет мебель, но Маша не уверена, и эта неопределённость заставляет её напряжённо вслушиваться в каждый звук, кроме собственных рыданий. Она переворачивается на спину, смотрит в потолок, и единственная лампочка без абажура режет глаза своим тусклым, жёлтым светом, таким безжалостным и честным, что хочется закрыться руками.

«Завтра в восемь – собеседование», – звучит в голове голос Логова, спокойный и равнодушный, как приговор судьи, который уже вынес тысячу таких же решений и ни об одном не пожалел.

Маша закрывает глаза, и перед внутренним взором возникают две картинки: коллекторы, ломающие дверь в мамину квартиру в Туле, и этот дом, железная кровать и полотенце, пахнущее хвоей. И Логов.

Она выбирает второе, хотя каждая клетка её тела кричит о том, что выбор здесь – это иллюзия, что она уже сделала его три дня назад, когда подписала в уме то, что отказалась подписать на бумаге.

Она засыпает, чувствуя, как жар между бёдер не остывает.

Маша не помнит, как заснула, но просыпается от того, что кто-то открывает дверь без стука, и свет из коридора падает ей прямо на лицо, выхватывая из темноты железную спинку кровати, серое одеяло и собственную голую ногу.

Логов стоит на пороге в тёмных брюках и белой рубашке, закатанной до локтей, и на его предплечьях Маша снова видит тёмные волосы, а свет лампы из коридора делает их не просто светлыми, а почти белыми, и глаза его сегодня тяжёлые, как свинцовое небо перед грозой, и в глубине этих серых льдинок вспыхивают золотистые искры, когда он переводит взгляд с её лица на её тело, прикрытое только тонким одеялом.

– Вставай, – говорит он и подходит к кровати. Несмотря на рост он ступает почти бесшумно, и Маша видит, что ступни у него широкие, с длинными пальцами и аккуратными ногтями, и эта внезапная деталь – ухоженные мужские ноги – кажется ей самой шокирующей из всех, потому что она ожидала чего угодно, но не того, что Логов окажется настолько аккуратным в каждой мелочи.

– Поднимись на четвереньки, – приказывает он, и его голос звучит так же ровно, как вчера у порога, словно он не заставляет её принимать унижительную позу, а просто диктует условия очередной сделки.

Маша не шевелится несколько секунд, надеясь, что это страшный сон, что сейчас она проснётся в своей съёмной однушке, где пахнет кошками и дешёвым стиральным порошком, но подушка под её щекой пахнет хвоей, и одеяло колючее, и над ней стоит чужой мужчина с золотыми искрами в глазах, и она понимает: это не сон, это её новая реальность, из которой нет выхода, потому что коллекторы, мама, долги – всё это никуда не делось, а просто отодвинулось за дверь этой комнаты.

Она медленно поднимается, опираясь на ладони и колени, и одеяло сползает с её спины. Она чувствует, как прохладный воздух касается голой кожи, и от этого прикосновения соски твердеют, и Маша надеется, что он не видит, что он смотрит ей в затылок, а не на грудь, но она ошибается, потому что Логов обходит кровать и встаёт так, чтобы видеть её лицо, прижатое к подушке.

– Пункт 6.9, первое требование, – произносит он, и его голос звучит как зачитывание приговора, монотонно и безжалостно.

Маша закрывает глаза и слышит, как он расстёгивает пуговицы на рубашке, и звук этот кажется ей оглушительным в тишине комнаты. Она открывает глаза на секунду и видит, как рубашка падает на пол, а потом ремень, и ширинка на брюках, и брюки, и она не смотрит дальше, не может смотреть, но краем глаза замечает, что Логов не торопится, двигается так же спокойно, как если бы он переодевался после деловой встречи, а не раздевался перед голой женщиной, стоящей на четвереньках.

– Пункт 6.9, подпункт А, – продолжает он, и его голос приближается, потому что он садится на край кровати, и матрас прогибается под его весом. Маша чувствует тепло его тела, как от печки в деревенской бане. – Исполнение обязательств производится по требованию Заказчика без предварительного уведомления.

Он кладёт руку на её поясницу, и ладонь у него широкая, горячая, с грубой кожей, и Маша вздрагивает от этого прикосновения, потому что её тело уже откликнулось, уже предало её, уже готово, и влажность между ног становится такой очевидной, что она чувствует, как та стекает по внутренней стороне бедра.

– Пункт 6.9, подпункт Б, – он проводит ладонью по её ягодицам, раздвигает их большими пальцами, и Маша сжимается, пытаясь предотвратить то, что должно произойти, но он только гладит, только изучает, не торопится, и от этой неторопливости становится ещё страшнее, потому что спешка означала бы, что он хочет побыстрее закончить, а медленное, методичное исследование означает, что он будет продолжать столько, сколько захочет.

– Заказчик имеет право выбирать форму и способ исполнения в одностороннем порядке.

Он наклоняется, и Маша чувствует его дыхание – горячее, влажное – на коже ягодиц, и прежде чем она успевает понять, что происходит, он проводит языком, и этот язык – широкий и шершавый, касается самого чувствительного места, и Маша не кричит, она впивается зубами в подушку, потому что это слишком: слишком интимно, слишком грязно, слишком унижительно, и она не ожидала этого, она думала, что будет обычный секс, как у всех, а не это. Не это позорное, срамное, животное лизание, от которого всё внутри переворачивается и сжимается в тугий горячий узел.

Но Логов не останавливается, он продолжает, и его язык – влажный и настойчивый – вылизывает её долго, методично, и Маша кусает подушку, чтобы не застонать, чтобы не выдать того, что происходит внизу живота, где уже нарастает, пульсирует, кипит что-то огромное, неудержимое, и она чувствует, как её тело выгибается само собой, как бедра начинают двигаться навстречу его языку, и это предательство собственного тела – самое страшное, что с ней когда-либо случалось, страшнее коллекторов, страшнее долгов, страшнее маминого равнодушия.

Иногда он отрывается на секунду, чтобы тихо сказать:

– Пункт 6.9, подпункт В – исполнитель не имеет права отказываться от любого вида контакта.

И снова возвращается к своему занятию. Маша кусает подушку, чтобы не закричать, но из горла вырываются всхлипы.

– Скажи «я согласна на исполнение», – приказывает он, отрываясь от неё на секунду, и его голос низкий, хриплый, и в этом хрипе проскальзывает что-то звериное, нетерпеливое, но он сдерживается, ждёт, и Маша слышит, как он тяжело дышит, и чувствует, как его пальцы впиваются в её бёдра.

– Я согласна на исполнение, – шепчет она в подушку, и голос её ломается, и слёзы текут по щекам, смешиваясь со слюной. Она ненавидит себя за то, что произносит эти слова, за то, что подчиняется, за то, что хочет, чтобы он продолжал, и эта ненависть такая жгучая, такая острая, что почти заглушает стыд, но не заглушает возбуждение, которое уже достигло предела.

– Громче, – требует он.

– Я согласна на исполнение! – кричит она в подушку, и её голос тонет в перьях, и этот крик – не подчинение, нет, это уже мольба о разрядке, потому что тело больше не слушается, оно хочет только одного – продолжения, финала, взрыва.

Он возвращается к её телу, но теперь его язык двигается быстрее, жёстче, и он проникает глубже, и Маша чувствует каждую складочку, каждый миллиметр своей кожи.

Он вводит в неё палец – один, потом два – и двигает ими в такт языку.

– Кончай, – приказывает он, и это слово произносит не как просьбу, а как команду, и Маша подчиняется.

Она понимает, что сейчас, вот прямо сейчас, она кончит, и кончит от того, что чужой мужчина лижет её, и эта мысль становится последней точкой.

Оргазм накрывает её с такой силой, что она теряет контроль над собственным голосом. Она кричит в подушку нечленораздельно, сквозь слёзы, и её тело выгибается дугой, и бёдра трясутся, и пальцы впиваются в простыню, и она чувствует, как пустота внутри сжимается и разжимается снова и снова, и всё это время язык Логова продолжает своё дело, доводя её до полного истощения. Она плачет и кончает одновременно, и это самое унижительное и самое сладкое, что она когда-либо испытывала.

Логов ждёт, пока спазм закончится, пока её тело перестанет дрожать, а потом переворачивает её на спину, и она видит его – с мокрыми от её соков губами, с серыми глазами, в которых золотые искры пляшут как бешеные, и лицо его напряжено, скулы заострены, и она понимает, что он тоже на пределе, что его контроль вот-вот треснет.

Логов встаёт. Она слышит, как он идёт к двери. Не в ванную, а сразу к выходу. Он даже не прикоснулся к себе – она видит краем глаза, что он всё ещё возбуждён, но не собирается ничего с этим делать. Он не получил разрядки. Он просто использовал её тело, чтобы доставить ей удовольствие, а себе – нет. Себе он заберёт что-то другое.

– Завтрак через пятнадцать минут, – говорит он холодно, стоя уже в дверях. – Телефона и интернета у тебя не будет, чтобы не наделала глупостей. Наденешь фартук и приготовишь малиновый пирог к моему возвращению. Плохо испечёшь – накажу.

Он выходит. Дверь закрывается.

Маша остаётся лежать на боку, голая, мокрая, с горящим промежностью и дрожащими ногами. Между бёдер всё течёт, и она чувствует запах своего возбуждения – кисловатый, острый. И запах его слюны на своей коже.

Она ненавидит себя.

Она ненавидит его.

Но её тело помнит каждое прикосновение и хочет ещё.

И это самое страшное.

Глава 3. Аркадий

Зал суда пахнет пылью, старыми бумагами и чужим отчаянием. Аркадий Логов сидит на скамье для представителей истца, закинув ногу на ногу, и его взгляд скользит по сторонам без всякого интереса, но на самом деле он фиксирует каждую мелочь: подрагивающую кисть помощницы судьи, слишком прямой позвоночник мужа-ответчика, нервно теребящего галстук, и влажные ладони женщины, сидящей рядом с ним – его клиентки, которую зовут Елена, и она, как и он, медведица.

Ей тридцать два года, она вышла замуж за человека пять лет назад, и сейчас её супруг требует признать брак недействительным, потому что она скрыла свою истинную природу, а он, видите ли, не подписывался на жизнь с оборотнем, который каждое полнолуние превращается в зверя и пугает его престарелую мать, живущую с ними в трёхкомнатной квартире в спальном районе.

Аркадий уже изучил дело вдоль и поперёк и знает, что на самом деле муж просто хочет избавиться от жены, потому что встретил другую – молодую, без наследственных хворей, зато с маленькой квартирой в центре, доставшейся от бабушки.

– Ваша честь, – произносит Аркадий, когда судья предоставляет ему слово, и его голос звучит низко, ровно, без капли пафоса, но с уверенностью, от которой по залу пробегает холодок. Зал затихает на несколько секунд. – Мой доверитель, гражданка Ветрова, не нарушала условий брачного контракта, поскольку пункт о «предоставлении полной информации о состоянии здоровья» не включает в себя обязательство раскрывать данные о генетической принадлежности к виду *Ursus arctos* в его оборотнической ипостаси.

Он делает паузу, выдерживает взгляд судьи, который уже трижды рассматривал аналогичные дела и каждый раз выносил решение в пользу человека, потому что закон в этом вопросе на стороне большинства, а оборотни – меньшинство, с которым можно не церемониться.

– Более того, – продолжает Аркадий и поворачивается к ответчику, заставляя того сжаться под тяжестью его взгляда, – мой доверитель не обязана была сообщать о своей способности к трансформации, поскольку на момент заключения брака эта способность находилась в латентной фазе из-за медицинских препаратов, назначенных ей лечащим врачом, и сам ответчик, подписывая брачный контракт, поставил галочку в графе «я не имею возражений против любых особенностей здоровья супруги».

Он зачитывает соответствующую выдержку из документа, и секретарша суда старательно печатает каждое слово, а муж ответчика бледнеет, потому что он действительно ставил эту галочку, не глядя, и сейчас его собственный адвокат – молодой парень в дешёвом пиджаке – уже не знает, куда спрятать глаза.

– Ложь! – не выдерживает муж, вскакивая с места, и его лицо багровеет. – Вы все врётё, вы, адвокаты, за деньги мать родную продадите! Эта тварь каждую ночь выла у меня под дверью, а я должен был делать вид, что ничего не происходит!

Елена, клиентка Аркадия, всхлипывает и опускает голову, и её светлые волосы падают на лицо, закрывая глаза, в которых уже стоят слёзы.

Аркадий не оборачивается к ней, не гладит по плечу – он знает, что нежность сейчас будет выглядеть как слабость, а слабость в этом зале равноценна поражению. Вместо этого он медленно поднимается, поправляет запонки на манжетах – серебряные, с гравировкой в виде дубовых листьев, и поворачивается к мужу, и его глаза сейчас не серые – стальные, с золотыми искрами, которые мечутся как отблески пламени.

– Вы, гражданин Ветров, подписали контракт, – говорит он тихо, но от этого голоса стынет кровь у присяжных, и даже судья невольно выпрямляется на стуле. – Вы обещали любить, беречь и уважать, пока смерть не разлучит вас. Вы не уточняли, в каком обличье ваша жена

должна находиться в момент этой любви. Более того, вы знали о её происхождении, потому что её мать, тоже медведица, присутствовала на свадьбе и не скрывала своей сущности – вы просто предпочли закрыть на это глаза, потому что Елена принесла в приданое квартиру в центре, на которой вы сейчас живёте и которую хотите оставить себе, признав брак недействительным.

– Как вы смеете! – выкрикивает муж, но его голос срывается, потому что каждое слово попадает в цель, и защищать ему нечем, кроме грязных оскорблений.

Из задних рядов зала, где сидят зеваки и случайные свидетели, поднимается женщина – пожилая, седая, с тяжёлой челюстью и цепкими глазами, в которых Аркадий мгновенно узнаёт чистокровную медведицу, причём старую, битую жизнью, такую, которая не лезет за словом в карман и не боится никого, даже судей.

– Ты не знаешь, что такое истинная пара! – кричит она, и её голос перекрывает шум зала. – Ты просто сломленный зверь, Логов! У тебя нет ни сердца, ни совести, одна гнилая сделка! Истинность выбирает кровь, а не адвокаты!

Зал замирает. Аркадий чувствует на себе десятки взглядов – любопытных, осуждающих, сочувствующих. Он мог бы проигнорировать эти слова, мог бы вернуться к своим аргументам, но что-то внутри него – не зверь, нет, зверь сейчас спокоен, а что-то более глубокое, более личное, заставляет его повернуться к старухе и ответить.

– Истинность по крови – ложь. Выбор – вот что делает пару. – Произносит он, и его голос дрожит впервые за сегодня, всего на полтона, но те, кто умеет слушать, слышат эту дрожь, и старуха медведица замолкает, потому что в его глазах потому что она видит в его глазах то, чего не видела ни разу за семьдесят лет – не злость, не боль, а холодное, выверенное убеждение, которое он носил в себе двадцать лет и никому не показывал.

Он замолкает, и в зале слышно только, как скрипит стул под секретаршей, которая забыла печатать и просто слушает, открыв рот.

– Я защищаю право своей клиентки на выбор, – добавляет Аркадий уже спокойнее, возвращаясь к своему месту. – Она выбрала этого мужчину, и он её выбрал. Тот факт, что он оказался трусом и предателем, не отменяет её права на справедливость.

Судья кашляет, делает пометку в блокноте и объявляет перерыв до завтра, но Аркадий уже знает, что дело выиграно.

Через час Логов уже в своём кабинете в центре города: высокий потолок, панорамное окно. Стерильно, холодно, на столе только ноутбук и чашка остывшего кофе. Он сидит в кресле из чёрной кожи, перед монитором, на котором светится папка с досье. «Мария Викторовна Смирнова, 24 года, бухгалтер-фрилансер». Он пролистывает страницы: долг 3,2 миллиона, поручитель – мать, брат-алкоголик, кредиты на ремонт чужой квартиры. В графе «семейное положение» – холоста. Фотография: испуганные глаза, полные губы, тёмные волосы собраны в хвост.

В груди шевелится зверь – он чувствует её даже через фотографию. Запаха, конечно, нет, но память подбрасывает образ: её страх, смешанный с запахом малины и дешёвого стирального порошка. Он почувал его давно, когда она случайно перешла ему дорогу у здания суда.

Телефон на столе вибрирует. Номер знакомый – коллекторское агентство «Щит и меч».

– Логов, – отвечает он, даже не поздоровавшись.

– По Смирновой вы что-то решаете? – спрашивают с того конца. – Она ваша?

– Моя.

– Так вот, мы решили применить к ней крайние меры. Она не платит уже полгода.

Аркадий молчит три секунды. Этого достаточно, чтобы собеседник на том конце провода начал нервничать.

– Её долг выкуплен мной, – говорит он спокойно, как о погоде за окном. – Полчаса назад. Проверьте.

Пауза. Слышно, как коллектор что-то щёлкает мышкой.

- Действительно... Но вы не имели права без уведомления...
- Имел. Пункт 12.4 кредитного договора. Отвалите.

Он вешает трубку, не дожидаясь ответа. Откидывается на спинку кресла. Зверь внутри довольно урчит – она уже в его доме, уже спит в его постели. Долг выкуплен ещё вчера. Коллекторы отцепились. И она здесь, в его доме, спит в железной кровати, насквозь пропахшая его запахом. Он сделал всё, чтобы у неё не осталось выбора. И она его сделала – приползла сама, как он и предсказывал. Она пока не знает, что выбор уже сделан. Но скоро узнает.

- Аркадий берёт со стола её фотографию. Смотрит в глаза. Нажимает на кнопку селектора:
- Ирина, отмените все встречи на сегодня. У меня появилось личное дело.

Секретарша что-то отвечает, но он уже не слушает. Он смотрит на дождь за окном – серый, холодный, обещающий грязь и слякоть. Уголок губ дёргается – почти улыбка, даже усмешка. Он гасит её сразу.

- Ты уже моя, Маша, – произносит он вслух. – Просто пока не знаешь об этом.

Он убирает фото в ящик, запирает его на ключ и ждёт. Зверь чует её запах даже через закрытую дверь – малину, страх и то, что скоро станет его.

Он встаёт, надевает пальто, проверяет, на месте ли контракт. Выходит из кабинета. В приёмной Ирина провожает его удивлённым взглядом – никогда не видел, чтобы шеф улыбался. А он и не улыбается. Просто внутри зверь довольно скалится.

Он представляет, как откроет дверь. Она будет стоять на кухне – босиком, в одном белом фартуке, который он приготовил, с голой спиной и голыми ногами, смущённая, красная, дрожащая. На столе будет малиновый пирог – горячий, рассыпчатый, пахнущий ягодами и маслом. Она обернётся, и в её глазах будет страх, и стыд, и то самое влажное желание, которое она пытается скрыть.

Он нажмёт ей на плечи, заставит встать на колени, возьмёт пирог и отломит кусок. Поднесёт к её губам. Она откроет рот – не потому что хочет есть, а потому что боится отказать. И он накормит её, глядя, как малиновый сок стекает по подбородку на грудь, на фартук.

Логов выходит из кабинета, спускается на лифте в подземный паркинг, садится в свой чёрный «Мерседес» и едет не домой, а в центр, где на Петровке, в старом особняке с коваными воротами, находится ювелирная мастерская «Север», которую держит его старый знакомый.

- Что на этот раз? – спрашивает Эрнст, вытирая руки о замшевый фартук.
- Ожерелье, – отвечает Аркадий, садясь в кожаное кресло напротив витрины, где под стеклом поблёскивают кольца, серьги, подвески. – Из медвежьих зубов.

Эрнст поднимает бровь, он явно заинтригован.

– Ты собираешься подарить свои клыки женщине? – переспрашивает он, доставая из сейфа несколько образцов – настоящие медвежьи зубы, крупные, с желтоватой эмалью, и искусственные, из полированного серебра с вкраплениями бриллиантов. – Это серьёзный шаг. Такие вещи дарят только истинной паре. Или той, кого хотят сделать ею против её воли.

Аркадий молчит, разглядывая образцы, и его пальцы – длинные, с квадратными ногтями – гладят холодный металл.

– Против воли – слишком громко сказано, – произносит он наконец. – Сделай из серебра, с чёрным титановым напылением. Клыки моей формы, я пришлю слепок. И добавь малиновый камень. Гранат или рубин. В центре, между клыками.

Эрнст хмыкает, но спорить не начинает. Он достаёт блокнот, делает набросок, и Аркадий смотрит, как под карандашом мастера рождается эскиз: два острых клыка, соединённые тонкой цепочкой, а между ними – кроваво-красный камень в форме капли.

- Через три дня будет готово, – говорит Эрнст, закрывая блокнот. – Дорого.
- Не вопрос, – отвечает Аркадий, вставая.

Он выходит из мастерской, и свежий воздух ударяет в лицо, смешиваясь с запахом бензина и мокрого асфальта. Он садится в машину, заводит двигатель и едет к ней. Зверь внутри

довольно урчит, представляя, как этот кулон – его клыки и малиновый камень – будет лежать на её шее, касаться её ключиц, пульсировать в такт её сердцу.

«Скоро ты будешь носить меня на себе, Маша, – думает он, вдавливая педаль газа в пол. – И не сможешь снять. Никогда».

Охота началась.

Но добыча сама бежит в капкан.

Глава 4. Наказание и награда

Пирог подгорает уже через десять минут, потому что Маша, во-первых, никогда в жизни не пекла малиновые сочни, а во-вторых, её руки до сих пор дрожат после утреннего сеанса вылизывания, и каждый раз, когда она засыпает муку в миску, ей кажется, что она чувствует его язык на своей коже.

Она нашла фартук в ящике кухонного гарнитура – белый, с рюшами, такой короткий, что прикрывает только грудь и бёдра ровно настолько, чтобы оставить голыми ноги, спину и почти всё остальное. Она надела его, как велела записка, оставленная на столе: «Жди. К обеду испечёшь пирог. Фартук в ящике». Ни слова про трусы. Ни слова про лифчик. Маша решила, что это проверка, и оставила на себе только бельё – чёрное, кружевное, единственное красивое, которое у неё осталось с тех времён, когда она ещё думала, что может кому-то понравиться.

Но когда она начала месить тесто, мука прилипла к пальцам, к запястьям, к предплечьям, и она сняла лифчик, потому что он жал и мешал, а потом сняла трусы, потому что от волнения и жары в кухне они промокли насквозь и противно липли к коже. И сейчас она стоит у плиты совершенно голая, если не считать белого фартука, который при каждом движении задирается и открывает ягодичцы, и она чувствует, как прохладный воздух касается самых сокровенных мест, и это ощущение заставляет её внутренности сжиматься в тугую узел.

Рецепт она нашла в потрепанной книге, на которой и лежала записка. Настоящая книга рецептов семейства Логовых, вся исписанная от руки разными почерками, и все сплошные рецепты малиновых пирогов. Маша выбрала что попроще: смешать масло, муку, сахар, яйца, добавить сметану, вымесить, раскатать, вырезать кружки, положить в центр каждого ложку малинового варенья, защипнуть края, смазать желтком – и в духовку.

Варенье в банке оказалось домашним, густым, почти чёрным, с целыми ягодами, и Маша, зачерпывая его ложкой, чувствовала запах лета, детства, чего-то такого, что никогда к ней не вернётся.

Но что-то пошло не так с самого начала. Тесто получилось слишком крутым, потому что она переборщила с мукой, потом долила молока, потом снова муки, и в итоге оно стало напоминать пластилин, который она в детстве лепила на уроках труда.

Она раскатала коржи кое-как, положила варенье, защипнула края, и сочни вышли кривыми, разнокалиберными, с вареньем, вытекающим из боков. В духовке они начали подгорать снизу, потому что Маша поставила слишком высокую температуру, а когда она убавила огонь, верх остался бледным, а низ превратился в угли.

К тому моменту, когда она слышит звук подъезжающей машины, она уже понимает: пирог – или то, что от него осталось – не просто плох, он ужасен. Она вытаскивает противень из духовки, ставит на стол, и чёрные, обугленные сочни смотрят на неё как насмешка.

Дверь хлопает в прихожей. Тяжёлые шаги приближаются к кухне.

Маша замирает у стола, сжимая в руках лопатку, и её сердце колотится где-то в горле, а между ног снова становится влажно от предвкушения, которое она отказывается признавать.

Логов входит в кухню, и первое, что он делает – останавливается на пороге и медленно осматривает её с ног до головы, начиная от босых ступней, покрытых белой мучной пылью, заканчивая растрёпанными волосами.

На нём костюм – тёмно-синий, тройка, с иголочки, и от него пахнет дождём и дорогим одеколоном, и Маша чувствует себя ещё более голой и ничтожной в своём единственном фартуке, испачканном мукой и вареньем.

Он переводит взгляд на стол. На противень. На чёрные, обугленные кругляши, которые когда-то были малиновыми сочными. На лужу вытекшего варенья, засохшую на металле. На рассыпанную муку, покрывшую столешницу как ранний снег.

Повисает тишина. Такая тяжёлая, что Маша перестаёт дышать.

– Ты не выполнила задание, – говорит Логов, и его голос не выражает ни злости, ни разочарования – только констатацию факта, как если бы он зачитывал приговор за уклонение от уплаты налогов.

Маша открывает рот, чтобы оправдаться, сказать, что она никогда не пекла, что у неё нет весов, что мука была какая-то не такая, но он поднимает руку, и она замолкает на полуслове, проглотив остатки гордости.

– Будешь переделывать, – произносит он, медленно снимая пиджак и вешая его на спинку стула. – А пока – наказание.

Маша пятится, упирается спиной в край стола, и лопатка выпадает из её руки, с грохотом ударяясь об кафельный пол. Она хочет сказать «нет», хочет закричать, хочет выбежать из кухни, но её ноги не слушаются, а тело уже реагирует на его близость – соски твердеют под тканью фартука, и она чувствует, как влажность между ног становится горячей и липкой.

Логов подходит к ней вплотную. Его рука ложится ей на затылок, и он сжимает волосы у корней – не больно, но властно, заставляя запрокинуть голову и смотреть ему в глаза. Серые глаза с золотыми искрами сейчас напоминают раскалённый металл, и в них нет ни капли нежности, только холодная, расчётливая жестокость, которая почему-то не пугает Машу – она возбуждает её до такой степени, что колени начинают подгибаться.

Логов разворачивает её лицом к столу, к противню, на котором лежат чёрные, обугленные сочни. Один из них – самый кривой, самый подгоревший – он берёт в руку, и Маша с ужасом понимает, зачем.

– Открой рот, – приказывает он.

Маша мотает головой, сжимает челюсти, но его пальцы надавливают на щёки с боков, заставляя разжать зубы, и прежде чем она успевает выдохнуть, он заталкивает стгоревший сочень ей в рот. Горячий, горький, с привкусом гари и пережжённого сахара. Тесто крошится на языке, мука оседает на нёбе, и Маша давится, кашляет, но он держит рот закрытым.

– Не выплёвывать, – говорит он и вытирает пальцы о её фартук. – Вкус запоминается.

Она стоит, дрожа, с мокрыми от слёз глазами, и во рту остаётся горькое послевкусие угля и стыда.

– Иди к стулу, – приказывает он, отпуская её. – Сядь лицом к спинке.

Маша повинуется. Она подходит к деревянному стулу с высокой спинкой, стоящему у окна, и садится, как он велел – лицом к спинке, раздвинув ноги так, чтобы они оказались по обе стороны сиденья, а её голая промежность прижимается к дереву. Дерево холодное и гладкое, и от этого контакта она вздрагивает.

Логов достаёт из ящика стола моток бельевой верёвки – Маша не знает, зачем она там, но догадывается, для каких случаев. Он привязывает её запястья к верхним перекладинам спинки, а лодыжки – к ножкам стула, и верёвка впивается в кожу, оставляя красные полосы, но он регулирует натяжение с точностью ювелира.

Маша оказывается полностью обездвиженной, сидящей на стуле задом наперёд, с голой спиной, выгнутой дугой, и с ягодицами, приподнятыми и раздвинутыми ровно настолько, чтобы он мог видеть всё – каждую складку, каждую каплю влаги, каждое движение её сжимающихся мышц.

Он встаёт на колени. Он не приступает сразу. Он просто смотрит. Его дыхание касается её кожи – горячее, ровное, без намёка на спешку. Он изучает её, как карту местности, которую собирается завоевать, и каждый миллиметр этой карты уже помечен его ментальными флажками.

Первое прикосновение языка приходится на внутреннюю сторону бедра, чуть выше колена, где кожа самая тонкая и чувствительная.

Маша дёргается, но верёвки держат крепко. Она не может ни закрыть ноги, ни отодвинуться, ни спрятаться от его рта, который двигается вверх медленно, методично, облизывая каждый сантиметр, каждый миллиметр её дрожащей, покрывшейся мурашками кожи.

Он добирается до промежности, проводит языком по влажным складкам – один раз, легко, почти невесомо, – и Маша выгибается на стуле, потому что это прикосновение обжигает её словно электричеством.

– Пожалуйста, – шепчет она, сама не зная, о чём просит – остановиться или продолжать.

Логов не отвечает. Он просто продолжает. Его язык углубляется во влагалище, и Маша не может контролировать своё тело, которое уже начинает сжиматься вокруг его языка, требуя большего.

Маша не видит его лица – только макушку, золотистые волосы, которые падают на лоб и шевелятся в такт движениям его головы. Ей почему-то хочется запустить пальцы в них, но ее руки связаны. Пряди скользят по её коже, щекочут, и этот невесомый контакт кажется почти нежным по сравнению с тем, что вытворяет его язык. Она смотрит сверху вниз и не может отвести взгляд: как он двигается, как его широкие плечи напряжены, как пальцы впиваются в её бедра, оставляя багровые отпечатки. Он пахнет хвоей, мускусом и чем-то сладковатым – возможно, малиной, которая пропитала всю кухню, а может, это её собственный запах смешивается с его дыханием и создаёт этот одуряющий коктейль.

Сама она пахнет острее, чем когда-либо: возбуждением, потом, тестом и вареньем, которое засохло на фартуке. Запах поднимается от её разгоряченной кожи, ударяет в ноздри, и Маша понимает, что никогда раньше не чувствовала себя такой живой, такой настоящей, такой... самкой. Именно самкой – не женщиной, не девушкой, а существом, которое сейчас трахают языком, и это самое унижительное и самое сладкое, что с ней происходило.

Он вылизывает её долго – не минуту, не две, а, казалось, целую вечность. Его губы обхватывают клитор, втягивают, посасывают, а язык продолжает работать внутри, вылизывая каждый миллиметр.

Он не слушает. Он вводит в неё палец – сначала один, длинный и толстый, и он двигает им внутри, растягивая, массируя, находя ту самую шершавую точку, от которой у Маши темнеет в глазах. Его язык продолжает ласкать – быстро, ритмично, без остановки. Соски трутся о грубую ткань передника, сводя ее с ума.

И когда Маша чувствует, что уже на грани – всё тело натянуто как струна, низ живота пульсирует, воздух застревает в лёгких, – Логов втискивает ещё один палец.

Она слышит, как её собственное тело издаёт влажный, неприличный звук, когда он входит, и этот звук разжигает в ней что-то первобытное, животное, от чего кровь приливает к щекам и к промежности одновременно. Каждый миллиметр её влагалища горит огнём, и боль смешивается с удовольствием в такой пропорции, что невозможно отличить одно от другого.

Её собственный запах – кислый, острый, с нотками малины и теста – ударяет в ноздри, и Маша понимает, что пахнет так же, как течка у кошки, и это сравнение кажется ей самым унижительным из всего, что случилось сегодня.

Он двигает пальцами внутри неё – не плавно, а жёстко, растягивая, раздвигая, заставляя её стенки сжиматься и разжиматься в такт его движениям. Одновременно его язык продолжает ласкать клитор – широкими круговыми движениями, иногда с силой надавливая, иногда едва касаясь, и эта смена ритма сводит с ума. Маша чувствует, как волна оргазма поднимается где-то в глубине, набирает силу, и она не может её остановить – не потому что не хочет, а потому что тело уже не слушается, оно само ведёт эту партию.

– Остановись, – выдыхает она, но её голос звучит как мольба о продолжении, и Логов, конечно, понимает разницу.

Оргазм накрывает её с головой, и она теряет ориентацию в пространстве, чувствует, как её бедра трясутся, а промежность пульсирует в такт сердцу.

– Да, – рычит Логов, и этот звук – низкий, горловой, почти звериный – вырывается из него помимо воли, и Маша знает, что он тоже на пределе, но он не останавливается, продолжает двигать пальцами и языком, пока её тело не затихает, превращаясь в дрожащую, мокрую, обессиленную массу.

Она не помнит, когда он выходит из неё. Только ощущает, как пустота внутри заполняется чем-то тёплым и жидким – возможно, её собственными соками, возможно, его слюной, – и как он откидывается назад, тяжело дыша.

Он поднимает голову на секунду, смотрит на неё снизу вверх – глаза серые, с золотыми искрами, губы блестят, подбородок мокрый – и произносит:

– Третий.

– Не могу, – шепчет Маша, но он уже снова опускает голову.

Он входит в неё тремя пальцами – резко, глубоко, до упора, – и одновременно проводит языком по анусу, надавливая, проникая, и Маша чувствует, как её тело разрывается на части. Она кончает снова – долго, мучительно, сладко, – и из её глаз текут слёзы, и она плачет и стонет одновременно, и её промежность пульсирует, сжимается, выплёскивает что-то горячее и влажное, и она не может это контролировать, не может остановить, не может даже дышать.

– Хватит, – стонет она, когда оргазм начинает спадать, но её тело уже снова набирает обороты, потому что он не останавливается. – Хватит, не могу больше, пожалуйста, хватит!

Наконец он отстраняется. Встаёт. Развязывает верёвки.

Маша сползает со стула на пол, бессильная, мокрая. Фартук задирается, открывая всё, что он и так уже видел и пробовал на вкус.

– Теперь пеки заново, – говорит Логов холодно, вытирая рот тыльной стороной ладони. – Если испечёшь хорошо – сегодня ночью я буду нежным.

Маша поднимает на него глаза. Она хочет сказать что-то едкое, что-то горькое, но из горла вырывается только всхлип, и она кивает, потому что спорить с ним так же бесполезно, как спорить с ураганом.

Она поднимается на подгибающихся ногах, подходит к столу, собирает рассыпанную муку, вымывает противень, достаёт новые продукты из холодильника и начинает всё заново.

На этот раз она не ошибается. Она взвешивает муку на глаз, но каким-то чудом попадает в пропорции, не пересаливает, не переслащивает, замешивает тесто – мягкое, эластичное, пахнущее маслом и ванилью. Раскатывает тонко, вырезает кружки стаканом, кладёт варенья ровно по чайной ложке на каждый, защипывает края, смазывает желтком, смешанным с молоком, и ставит в духовку, установив правильную температуру.

Пока сочни пекутся, она вымывает столешницу, пол, моет посуду и даже успевает расчесать волосы и заколоть их в пучок, чтобы не лезли в лицо.

Через двадцать минут из духовки идёт такой запах, что Маша закрывает глаза и почти стонет – сладкий, маслянистый, с кисловатой ноткой малины, которая разливается по кухне как тёплый мёд.

Она достаёт противень. Сочни выходят ровными, румяными, с золотистой корочкой и чуть подтекающим вареньем в центре – идеальными, такими, какие печёт бабушка, у которой руки растут из правильного места.

Логов заходит на запах. Он уже переоделся в домашнее – тёмные брюки и простая белая футболка, обтягивающая широкие плечи и грудь, на которой угадываются твёрдые мышцы и тёмные волоски.

Он берёт один сочень, надкусывает. Жуёт. Глотает. Его лицо остаётся непроницаемым, как стена, но Маша замечает, как чуть расширяются его зрачки и как золотые искры замерцают ярче.

– Хорошо, – говорит он, ставя надкусанный пирожок обратно на блюдо. – Сегодня ночью я буду нежным.

И он уходит в гостиную, оставив Машу стоять у плиты с дрожащими коленями и с таким чувством облегчения, что она чуть не разрыдается прямо тут.

Она не знает, что будет ночью. Она не знает, что значит «нежный» в его понимании. И она не знает, почему при мысли об этой нежности её тело снова начинает гореть, а между ног становится влажно.

Маша смотрит на дверь, за которой он сидит в гостиной – молчаливый, неподвижный, опасный. И ей кажется, что она слышит, как его зверь внутри урчит. Довольно. Ожидаяще.

Она выключает свет на кухне и идёт в свою комнату, и каждый шаг отдаётся тупой пульсацией внизу живота. Она знает: сегодня она не заснёт. Она будет ждать.

Глава 5. В первый раз

Ночью он входит в её комнату без стука, и Маша не спит – она лежит под одеялом, голая, как он велел, и слушает, как бьётся её сердце, гулко, тяжело, как кузнечный молот.

Он несёт в руке тарелку с двумя сочными и стакан молока, ставит на тумбочку, садится на край кровати и проводит ладонью по её волосам мягко, почти нежно, и Маша замирает, потому что эта ласка оказывается такой неожиданной, такой чужой для его рук, которые она привыкла видеть сжимающими её бёдра до синяков. Его пальцы пахнут хвоей и чем-то сладким – возможно, мёдом, который он добавил в чай, а может, это её собственный запах, оставшийся на его коже после дневного наказания.

– Иди ко мне, – говорит он, и Маша придвигается, и он укрывает её одеялом, а потом ложится рядом. Его тело горячее, она чувствует его дыхание на своей шее, и это кажется странно интимным.

Он начинает ласкать её медленно, совсем не так, как днём. Пальцы скользят по её животу, по бёдрам, по груди, едва касаясь, дразня, заставляя её кожу гореть от одного только обещания. Он целует её плечи, шею, ключицы, и поцелуи оказываются лёгкими, почти воздушными, как будто он боится причинить боль – хотя Маша знает, что он не боится ничего.

Его ладонь скользит по её спине – медленно, от лопаток до копчика, – и каждый миллиметр этого пути прожигает её кожу, оставляя огненный след. Маша выгибается, подставляясь под его руку, и сама не узнаёт себя: эта женщина, которая сейчас стонет от простого поглаживания, – разве это она, та, что бросала контракт ему в лицо три дня назад?

– Ты пахнешь малиной, – говорит он, и его голос звучит низко, с хрипотцой, и от этого тембра у неё внутри всё сжимается. – И страхом. Но страх уже не тот. Теперь ты боишься не меня, а того, что я перестану.

Он прав. Она боится именно этого. И от осознания этой правды у неё перехватывает дыхание.

Он целует её плечо – легко, едва касаясь губами, и Маша чувствует, как его дыхание становится глубже, тяжелее. Потом второе плечо. Потом ямку на шее, где бьётся пульс. Потом ключицу – и здесь он задерживается, покусывает кожу, оставляя влажный след, и её соски твердеют, упираясь в его грудь через тонкую ткань футболки.

Он отстраняется, смотрит на неё сверху вниз. В темноте его глаза кажутся чёрными, но когда он моргает, в глубине вспыхивают золотые искры – не такие яркие, как днём, а приглушённые, почти ласковые.

– Я хочу видеть тебя, – произносит он и включает лампу на тумбочке. Мягкий жёлтый свет заливает комнату, и Маша видит его лицо – спокойное, но не холодное, как обычно, а чуть расслабленное, с полуприкрытыми веками и чуть приоткрытыми губами. Он красивый – нет, не красивый, он опасный, но в этом свете опасность выглядит как обещание.

Он откидывает одеяло, и её тело оказывается полностью открытым – грудь с затвердевшими сосками, живот, который подрагивает от каждого его взгляда, бёдра, сжатые от напряжения, и между ними влажный блеск, который она не может скрыть.

– Ждала меня, – говорит он и проводит пальцем. Ее бедра расслабляются, и этот акт подчинения сейчас не кажется ей унижительным – он кажется ей единственно возможным.

Он смотрит на неё – не на лицо, а туда, где её тело раскрылось перед ним, – и проводит пальцем по влажным складкам, не проникая, только глядя, только дразня, собирая её сок и поднося к своим губам. Пробует. Закрывает глаза.

– Сладкая, – говорит он, и в этом слове звучит такое откровенное, звериное удовлетворение, что Маша чувствует, как новая волна возбуждения накатывает на неё, заставляя бёдра дрожать.

Он наклоняется и начинает ласкать её ртом – но не как днём, не жёстко и требовательно, а мягко, почти невесомо, проводя языком вокруг клитора, не касаясь его, только обводя круги, сужающиеся с каждым разом. Маша стонет, выгибается, впивается пальцами в простыню, но он не ускоряется, продолжает этот танец – медленный, сводящий с ума, от которого каждый нерв в её теле превращается в оголённый провод.

Одна его рука гладит внутреннюю сторону бедра, другая сжимает грудь, а язык описывает бесконечные круги вокруг клитора, иногда касаясь его, иногда отстраняясь, и эта игра на грани срыва заставляет Машу сходить с ума. Она чувствует, как её тело напрягается, как оргазм подбирается ближе, но он каждый раз отступает, не давая ей кончить.

– Терпи, – приказывает он, и его голос становится твёрже.

Он отрывается от неё и переворачивает на живот, задирает бёдра, заставляя встать на колени, и его язык снова находит её анус – не наказывает, а ласкает, медленно, глубоко, проникая внутрь и вылизывая каждый миллиметр. Одновременно его пальцы входят во влагалище – два, три, – и движутся в такт языку, и эта синхронность заставляет Машу кричать в подушку, царапать простыню, выгибаться так сильно, что позвоночник трещит.

– Сейчас, – выдыхает она, но он снова замедляется, отступает, оставляя её на грани, дрожащую, мокрую, обезумевшую от желания.

– Не сейчас, – говорит он и снова переворачивает её на спину.

Теперь он встаёт с кровати, и Маша видит его всего – в тусклом свете лампы он кажется огромным, тень от него падает на стену и закрывает половину комнаты. Он медленно стягивает футболку через голову, и она видит его грудь – широкую, покрытую тёмными волосками, с рельефными мышцами, которые перекачиваются под кожей при каждом движении. На правом плече – шрам, белый, старый, похожий на след от когтей. Он расстёгивает ремень, снимает брюки, и Маша задерживает дыхание.

Он видит её страх, её восхищение, её желание – и улыбается уголками губ.

– Боишься? – спрашивает он, и его голос звучит ниже, чем обычно, с рычащими нотками.

– Нет, – врёт она.

Он ложится рядом, накрывает её своим телом – тяжёлым, горячим, пахнущим хвоей и мускусом. Его член упирается ей в живот, и она чувствует его вес, его пульсацию, то, как он твёрдый и живой одновременно.

– Я войду в тебя медленно, – говорит он. – Очень медленно. Ты скажешь, если захочешь остановиться.

Она кивает, и он раздвигает её ноги коленом, укладывается между ними, и его член касается её входа – влажного, горячего, готового. Он замирает на секунду, закрывает глаза, и Маша видит, как на его руках проступают тёмные полосы, похожие на шерсть, вставшую дыбом.

– Зверь близко, – шепчет он, и его глаза открываются – они полностью золотые, без серого, и в них нет ничего человеческого. – Но я держу его. Ради тебя.

Он входит.

Медленно. Сантиметр за сантиметром. Маша чувствует, как её тело растягивается, принимает его, и каждое продвижение сопровождается волной жара, которая поднимается от промежности к макушке. Он останавливается на середине, давая ей привыкнуть, и его дыхание становится рваным, тяжёлым.

– Тесно, – выдыхает он, и в этом слове столько напряжения, что она понимает: ему так же трудно сдерживаться, как ей – терпеть.

– Иди дальше, – шепчет она, и он двигается.

Он замирает, и она чувствует, как он пульсирует внутри неё, как его член бьётся в такт сердцу, как его бёдра прижимаются к её бёдрам, и его шерсть царапает её кожу – не больно, а приятно, щекотно, вызывая мурашки.

– Двигайся, – просит она.

Он начинает. Медленно. Плавно. Каждое движение – как волна, накатывающая на берег и отступающая, оставляя после себя мокрый след. Он выходит почти полностью и снова входит, и в этот раз глубже, и она чувствует, как его член расширяется внутри неё, становясь ещё толще, ещё горячее – зверь просыпается, но он всё ещё держит его под контролем.

Маша закрывает глаза и видит вспышки белого света. Она слышит его дыхание – низкое, рычащее, почти звериное, – и этот звук заводит её сильнее любого слова.

Он ускоряется. Ритм становится глубже, жёстче, и Маша вцепляется в его плечи, впиваясь ногтями в его кожу, и он стонет в ответ – низко, гортанно.

– Смотри на меня, – приказывает он, и она открывает глаза.

Она видит его – не человека, не зверя, а что-то между, что-то первобытное, страстное, невыносимо прекрасное. И в этом взгляде она видит себя – не жертву, не пленницу, а женщину, которую выбрали.

Оргазм накрывает её медленно – не взрыв, а долгое, тягучее удовольствие, которое разливается от низа живота по всему телу, заставляя её пальцы на ногах скручиваться, а спину выгибаться. Она кричит – не имя, не слово, а просто звук, вырывающийся из глубины лёгких, и он продолжает двигаться, растягивая её удовольствие, пока она не затихает, обессиленная, мокрая, счастливая.

Он выходит из неё медленно, ложится рядом, притягивает к себе, и она чувствует, как его член, всё ещё твёрдый, упирается ей в живот. Он не кончил. Он сдерживался всю ночь, чтобы доставить удовольствие ей, и Маша понимает, что это – самый нежный жест из всех, на которые он способен.

Всё это время – медленные, глубокие толчки, её оргазм, её крики – он сдерживался, чтобы не нарушить нежность момента, и сейчас лежит рядом, твёрдый, пульсирующий, и его член прижимается к её бедру, горячий как калёное железо.

– Но ты... – шепчет она, проводя рукой по его груди, чувствуя, как под кожей перекачиваются мышцы, как его дыхание становится глубже от её прикосновения. – Ты не кончил.

Он молчит. Его глаза в темноте горят золотом – не ярко, а приглушённо, как угли в потухающем костре.

– Помоги мне, – произносит он, и в этом коротком предложении звучит не приказ, а просьба, и это так не похоже на него, что Маша чувствует, как её сердце сжимается от нежности и желания одновременно.

– Как? – спрашивает она, хотя уже догадывается.

Он берёт её руку и кладёт себе на член. Пальцы Маши смыкаются вокруг него – и он такой толстый и такой горячий. Она проводит вниз, до самого основания, где кожа покрыта мягкой шерстью, и вверх, к головке, на которой выступила капля смазки, пахнущая мускусом и хвоей.

– Сильнее, – выдыхает он, и его бедра начинают двигаться в такт её руке, толкаясь в её сжатый кулак.

Он смотрит на неё секунду, не больше, а потом рывком садится, усаживает её на колени лицом к себе, так, что она оказывается сверху, а он снизу, и его член встаёт между ними, упираясь ей в живот.

– Наклонись, – приказывает он, и она наклоняется, и её груди нависают над его лицом, соски в считанных сантиметрах от его губ.

Он не касается их ртом – пока. Вместо этого он берётся за свой член рукой и направляет его так, что головка упирается в ложбинку между её грудей. Его пальцы грубо сжимают её груди, сводя их вместе, и его член оказывается зажатым в этой горячей, мягкой плоти.

– Двигайся, – хрипит он, и Маша начинает двигаться – вверх-вниз, вверх-вниз, чувствуя, как его головка скользит по её коже, оставляя влажный, липкий след. Она смотрит на него сверху вниз: его глаза закрыты, голова запрокинута, золотистые волосы разметались по

подушке, и он выглядит почти уязвимым – этот огромный, опасный мужчина, который сейчас стонет от её движений.

Его тело напрягается как струна. Живот сокращается, бёдра замирают на секунду, и Маша видит, как под его кожей пробегает волна – шерсть проступает на руках, на груди, на щеках. Его глаза распахиваются – и они полностью золотые, без серого, и в них нет ничего человеческого, только животная страсть, которая сейчас вырвется наружу.

– А-а-а-р-р-р! – рычит он, и этот звук – не крик, не стон, а именно рык, низкий, горловой, от которого у Маши закладывает уши. Маша чувствует этот запах – острый, солоноватый, звериный, – и почему-то ей хочется его попробовать.

Логов смотрит на неё и в его взгляде вспыхивает что-то первобытное, собственническое. Он садится, притягивает её к себе и медленно, очень медленно проводит языком по её груди, собирая свою сперму. Маша замирает, не дышит. Его язык горячий, шершавый, он вылизывает каждую каплю, не торопясь, со знанием дела, и когда он добирается до соска, застывшего от напряжения, она вскрикивает – от неожиданности, от остроты ощущений.

Он не просто облизывает – он втягивает сосок в рот, посасывает, покусывает, и его зубы – чуть острее человеческих, чувствуются даже через нежность – скользят по нежной коже, вызывая мурашки по всему телу. Он вылизывает её грудь дочиста, собирая каждое пятнышко, и его язык пахнет им и ею одновременно, и этот запах ударяет в голову сильнее любого алкоголя.

– Теперь ты пахнешь мной, – говорит он.

Логов выключает лампу, и они лежат в темноте, его рука на её талии, её голова на его плече. Она слышит, как его сердце бьётся – медленно, ровно, в отличие от её собственного, которое всё ещё не может успокоиться.

– Я никогда не делал этого с другими.

Она не понимает. Открывает глаза, смотрит на него. В темноте его лицо почти неразличимо, только блики от уличных фонарей падают на подушку и высвечивают угол его челюсти, её собственные пальцы, сжимающие простыню.

– Чего не делал? – спрашивает она шёпотом, боясь спугнуть этот момент откровения.

– Римминг, – произносит он, и это слово звучит в темноте как выстрел. – Я никогда не занимался этим с другими. Ни с одной из тех, кто был до тебя.

Маша замирает. Её сердце бьётся с удвоенной силой.

– Почему? – спрашивает она, хотя уже знает ответ, но ей нужно услышать его от него.

Он молчит, поглаживая её по голове, и его пальцы запутываются в её волосах, и это прикосновение оказывается таким нежным, что у неё защипывает в носу.

– Потому что от тебя пахнет малиной и отчаянием, – говорит он тихо, почти неразборчиво, и Маша не уверена, что не придумывает эти слова. – Моими любимыми запахами.

Она не знает, что ответить. Она вообще не знает, как реагировать на то, что этот холодный, расчётливый, жестокий мужчина только что признаётся ей в чём-то таком личном, таком интимном, что это разрушает все её представления о нём.

– Ты... – начинает она, но он прижимает палец к её губам.

– Спи, – говорит он. – Завтра я куплю тебе новую сковороду. Хорошо терпела.

Маша закрывает глаза, слеза выкатывается из уголка глаза и течёт по виску в подушку.

Она не понимает.

Он наказал её днём – жёстко, унизительно, и заставил перепекать пирог. А потом ночью оказывается нежным, признаётся в чём-то сокровенном, гладит по голове. Маша не понимает, как это совмещается в одном человеке. И боится, что это совмещение затягивает её в воронку, из которой нет выхода.

Она засыпает, прижавшись к его горячему боку, и в последнем осознанном мгновении думает: «Какая разница, злой он или добрый? Главное – он выбрал меня. И я выбрала его».

Но она не уверена, что это правда.

Глава 6. Запах малины и стаи

Солнечный свет просачивается сквозь неплотно задёрнутые шторы и ложится тёплыми полосами на её лицо. Маша не сразу понимает, где находится – слишком тихо, слишком спокойно, и пахнет не кошкой и дешёвым стиральным порошком, а хвоей, выпечкой и им.

Логов уже не лежит рядом – его место на кровати остыло, но подушка хранит вмятину от его головы и несколько золотистых волосков. Она находит на тумбочке записку, написанную размашистым, властным почерком: «Завтракаем на террасе через час. Фартук надевать не надо. Оденься».

Маша не знает, что значит «оденься» в его понимании, поэтому выбирает джинсы и простую белую футболку, которая не слишком обтягивает, но и не висит мешком. Волосы она расчёсывает пальцами и собирает в низкий хвост.

На террасе, выходящей в сад, уже накрыт стол: белая льняная скатерть, две тарелки, серебряные столовые приборы, чашки с дымящимся кофе и ваза с её вчерашними сочными, которые она испекла после наказания. Логов сидит в плетёном кресле, листая планшет, и его лицо спокойно и непроницаемо, как всегда. На нём тёмные брюки и простая серая футболка, обтягивающая широкие плечи, и на предплечьях снова видны тёмные волоски, которые при дневном свете кажутся почти чёрными.

– Садись, – говорит он, не поднимая глаз.

Маша садится напротив, и солнечный свет падает ей на спину, согревая лопатки. Воздух на террасе пахнет мятой, розами и ещё чем-то сладким – возможно, жимолостью, которая вьётся по перилам. Где-то в траве стрекочут кузнечики, и этот звук кажется ей самым мирным из всех, что она слышала за последние дни.

Они завтракают в тишине. Он отламывает кусочек сочня, макает в кофе и ест, не торопясь, и Маша замечает, как его кадык двигается вверх-вниз, когда он глотает. Она пьёт кофе – горький, обжигающий, с добавлением корицы.

В этот момент из-за угла дома выходит женщина.

Маша не слышит её шагов – только видит, как тень становится длиннее, и из-за колонны появляется фигура. Высокая, стройная, с длинными тёмными волосами, которые струятся по спине как шёлк. На ней белое платье-футляр, подчёркивающее каждый изгиб тела, и туфли на шпильке, которые не издают ни звука, когда она ступает по деревянному настилу террасы.

Она движется бесшумно, как хищница, и каждое её движение – это текучесть, грация, опасность. Её глаза карие, почти чёрные. Губы накрашены алой помадой, и когда она улыбается, Маша видит два ряда идеально ровных зубов – слишком белых, слишком острых.

Она несёт в руках корзинку, накрытую вышитым полотенцем, и от корзинки пахнет свежей выпечкой – маслом, дрожжами, чем-то чем пахнут дорогие пекарни в центре города, куда Маша никогда не заходила, потому что одно пирожное там стоило как её недельный обед.

– Аркадий, – мурлычет женщина, и её голос звучит как кошачье урчание – низко, горланно, с лёгкой хрипотцой. – Доброе утро.

Она подходит к столу, и Логов поднимает на неё взгляд – холодный, безразличный, как на пустое место.

– Вероника, – отвечает он, и в его голосе нет приветствия.

Она не обижается. Она ставит корзинку на край стола, откидывает полотенце, и Маша видит круассаны – золотистые, слоёные, с сахарной глазурью и миндальными лепестками. От них идёт такой запах, что у Маши начинает сосать под ложечкой, но она не делает ни движения, чтобы взять.

– Я сама испекла, – говорит Вероника, наклоняясь так, что Логов видит ложбинку между её грудей. – По французскому рецепту. Ты же любишь французскую выпечку?

– Я люблю малиновые пироги, – отвечает он сухо и отворачивается к планшету.

Вероника замирает на секунду, и её ноздри раздуваются. Она переводит взгляд на стол, на вазу с сочными, которые выглядят по-деревенски простыми рядом с её круассанами, и её губы кривятся в усмешке.

– А, – протягивает она. – Это та самая... помощница по хозяйству?

Она произносит это так, как будто Маша – пятно на белой скатерти, которое нужно оттереть. Маша чувствует, как к лицу приливает кровь, но не опускает взгляд.

Логов не отвечает. Он просто подносит чашку к губам и пьёт кофе, не глядя ни на неё, ни на Веронику.

Вероника обходит стол и останавливается прямо перед Машей, нависает над ней, и её тень закрывает солнце.

– Привет, – говорит Вероника, и в этом приветствии слышится угроза. – Ты, наверное, Маша.

Она наклоняется, проводит носом по воздуху возле Машиной шеи – откровенно, бесцеремонно, как собака, которая принюхивается к чужой территории. Её ноздри раздуваются, втягивают воздух, и её лицо искажается гримасой отвращения.

– Ты даже не пахнешь, – шипит Вероника, и её голос становится ниже, злее. – Пустышка. Никакого зверя. Только малина и страх. Зачем он тебя держит?

Маша не понимает, о чём она говорит. Какой зверь? Какой запах? Но её тело уже реагирует – мурашки бегут по рукам, дыхание перехватывает, и она чувствует, как её внутренности сжимаются в тугий комок животного страха, который она не может контролировать.

Вероника пахнет – не духами, нет, чем-то другим: деньгами и властью. Её запах резкий, агрессивный, как у хищника, который охраняет свою территорию. Маша чувствует его языком – горьковатый, с кислой ноткой, и ей хочется зажать нос, но она боится пошевелиться.

– Отойди, – говорит Логов, и его голос звучит как удар хлыста.

Вероника выпрямляется, но не отступает. Она смотрит на него, и в её глазах мелькает что-то похожее на обиду – но только на секунду, прежде чем она снова берёт себя в руки.

– Аркадий, – говорит она уже другим тоном – вкрадчивым, почти нежным. – Ты не можешь всерьёз. Посмотри на неё. Она никто. У неё нет рода, нет зверя, нет даже приличной одежды. Она не сможет родить тебе сильных наследников.

Логов поднимается. Не спеша, плавно, и его фигура нависает над Вероникой, заставляя её сделать шаг назад.

– Мои наследники, – произносит он, и каждое слово падает как камень, – моё дело. Иди домой, Вероника.

Она пробует улыбнуться, дотронуться до его руки – пальцы скользят по его предплечью, и Маша видит, как Логов напрягается. Он перехватывает её запястье, отводит руку и делает шаг в сторону.

– Не надо, – говорит он тихо, но в его голосе слышится рык.

Вероника отступает. Её лицо становится каменным, и она поворачивается к Маше, скалясь – ровно на секунду, и Маша видит, как удлиняются её клыки, как зрачки становятся вертикальными щёлками.

– Она тебя не стоит, – бросает Вероника через плечо, и её голос звучит уже с порога. – Ты пожалеешь, Аркадий.

Она уходит так же бесшумно, как и появилась, и её белое платье мелькает между кустами роз, а потом исчезает.

Маша сидит за столом, сжимая в руках чашку, и её пальцы дрожат. Она не понимает, что только что произошло, но чувствует себя так, будто её только что раздели догола и выставили на всеобщее обозрение. Логов садится обратно, отодвигает корзинку с круассанами на край стола и берёт сочень.

– Ешь, – говорит он, протягивая ей пирожок.

– Кто это? – спрашивает Маша, хотя догадывается.

– Соседка.

– Она... оборотень?

– Медведица. Чистокровная. Её отец – глава клана на Урале. Она считает, что мы должны стать парой.

Маша перестаёт жевать. Сочень застревает в горле, и она с трудом проглатывает липкий, сладкий ком, который царапает пищевод. Слова – «медведица», «чистокровная», «клан» – барабанят в висках, не складываясь в осмысленную картинку.

Оборотни. Существуют. На самом деле. Не в кино, не в книжках с фэнтези, которые она глотала в подростковом возрасте запоем. Существуют, и один из них сидит напротив, жуёт её пирог и пьёт кофе, как будто ничего не случилось. А другой – та, в белом платье, с вертикальными зрачками и странным запахом только что нюхала её шею.

По спине Маши пробегает холодная волна, под кожей начинает покалывать, и она чувствует, как волосы на руках встают дыбом – не от ветра, а от первобытного, животного страха, который не контролируется разумом. Её желудок сжимается, и кофе, выпитый минуту назад, просится обратно. Она делает глубокий вдох, задерживает дыхание, считает до пяти.

– Ты... – она поднимает глаза на Логова и видит его в новом свете. Солнце освещает его лицо, и она замечает то, чего не замечала раньше: чуть заострённые клыки, которые видны, когда он откусывает сочень, лёгкую золотистую шерсть на щеках – не щетину, а именно шерсть, короткую, густую, едва заметную. Его пальцы, сжимающие чашку, кажутся ей сейчас не просто большими, а огромными, с толстыми фалангами, заканчивающимися когтями, которые он прячет.

– Ты тоже оборотень, – произносит она шёпотом, и это не вопрос, а утверждение, от которого внутри всё обрывается.

Логов поднимает на неё взгляд, и золотые искры в его серых глазах вспыхивают ярче, чем обычно. Он не подтверждает, не отрицает. Он просто смотрит на неё, и в этом взгляде читается что-то древнее, тяжёлое, как вековой лес, где звери правят миром, а люди – только гости.

– Медведь, – наконец говорит он, и его голос звучит чуть ниже, чем минуту назад, с едва уловимым рычащим оттенком. – Как и она. Как и моя мать. Как и весь мой род.

Маша чувствует, как её бёдра самопроизвольно сжимаются под столом – не от страха, нет, от чего-то другого, что она отказывается признавать. Влажность возвращается, густая и горячая, и она ненавидит себя за эту реакцию, но не может её подавить.

– Почему ты не сказал? – спрашивает она, хотя понимает, что вопрос глупый. Когда ему было говорить? Когда она бросала контракт ему в лицо или когда он вылизывал её до трёх оргазмов?

– Не спрашивала, – отвечает он, ставя чашку на блюдце. – И неважно это. Я не кусаюсь. По крайней мере, пока.

Он почти улыбается, и от этой улыбки у Маши слабость в коленях – хорошо, что она сидит.

– А она? – Маша кивает в сторону, куда ушла Вероника. – Она кусается?

– Если надо, – Логов пожимает плечами. – Но до тебя ей не добраться. Я не позволю.

Он говорит это так буднично, как о том, что завтра будет дождь, но Маша слышит в этих словах обещание. И почему-то верит.

Она всё ещё напугана. Всё ещё не понимает, как жить в мире, где существуют оборотни, и как быть женщиной, которую выбрал один из них. Вместо дрожи она чувствует глухое, ровное тепло, разливающееся от груди до самого низа живота.

Маша молчит, обдумывая эту информацию. Вероника красивая, богатая, сильная. У неё есть зверь, деньги, связи. Она идеально подходит такому, как Логов. Почему он выбрал её, Машу – нищую, забитую, без зверя и без рода?

Она не решается спросить, но он читает её мысли.

– Почему она так меня ненавидит? – выдавливает Маша, хотя имеет в виду совсем другое.

Логов смотрит на неё, и его серые глаза с золотыми искрами ощупывают её лицо, шею, плечи.

– Потому что я отказался от неё, когда учуял твой запах, – говорит он сухо, как будто объясняет ребёнку, почему вода мокрая.

Маша замирает.

– Какой запах?

– Малины. И отчаяния. И дома.

Он не смотрит на неё, когда произносит эти слова. Он отламывает кусочек сочня, макает в кофе и кладёт в рот. Жуёт. Глотает.

– Мои любимые, – добавляет он, и в его голосе нет нежности, только констатация факта.

Маша сидит, обдумывая услышанное. Он выбрал её не за красоту, не за ум, не за готовность подчиняться. Он выбрал её за запах. За то, как она пахнет, когда боится и надеется одновременно.

Она подносит руку к носу, пытаясь учуять себя. Пахнет кофе, малиной и им – хвоей, мускусом, сексом.

– Я не чувствую, – говорит она растерянно.

– Звери чувствуют, – отвечает он и отодвигает пустую чашку. – Доедай. Потом будешь учиться печь круассаны.

– Зачем? – удивляется Маша.

– Чтобы она поняла, что её место не здесь. В следующий раз, – произносит он, глядя на неё сверху вниз, – будешь готовить завтрак сама. К восьми утра. Кофе, пирог, яичница по желанию. Посудой тоже займёшься ты. И уборкой по дому. И стиркой. И всем остальным, что я захочу.

Маша замирает с чашкой в руках. Она смотрит на него, пытаясь понять, шутит он или нет. Его лицо непроницаемо, как стена, и только золотые искры в глубине глаз чуть мерцают – то ли насмешка, то ли проверка.

– Ты хочешь, чтобы я стала твоей домработницей? – выдавливает она, и в голосе проскальзывает обида.

– Я хочу, чтобы ты стала моей женщиной, – отвечает он спокойно. – Которая печёт пироги, убирает дом и греет мою постель. Если ты справишься с этим, я выкуплю твои долги полностью.

Он не ждёт ответа. Он поворачивается и идёт к двери, оставляя за спиной звенящую тишину и запах малины. Маша сидит, не двигаясь, и смотрит ему вслед. Пальцы сжимают ручку чашки так сильно, что костяшки белеют.

– А если не справлюсь? – шепчет она в пустоту, но он уже ушёл.

Только ветер доносит его голос, низкий и твёрдый, как приговор:

– Тогда накажу.

Глава 7. Вероника подливает масло

Корзинка Вероники стоит на кухонном столе, и Маша натывается на неё взглядом каждый раз, когда проходит мимо. Плетёная, с вышитым полотенцем, внутри которой лежат шесть идеальных круассанов – золотистых, слоёных, с миндальными лепестками, посыпанных сахарной пудрой. Они не черствеют, не превращаются в камень, они словно дразнят Машу своей безупречностью. Ей хочется выкинуть их в мусор, но что-то останавливает. Не жадность, нет – непонятное, почти болезненное чувство долга перед чужой, враждебной территорией.

Логов уехал по делам ещё до полудня, бросив на прощание короткое «Вечером буду» и не удостоив корзинку даже взглядом. И теперь Маша бродит по дому – от гостиной до спальни, от спальни до кухни, от кухни до выхода на террасу, – и всё никак не может решить, что делать с этим дурацким подарком, который никто не просил. Она перебирает в голове варианты: выбросить – будет выглядеть как ревность, оставить – как трусость, вернуть – как вызов. Вызов, кажется, ей ближе, хотя внутри всё сжимается при мысли о том, что придётся снова увидеть Веронику.

Маша берёт корзинку и выходит на улицу. Дом Вероники находится в трёх минутах ходьбы по тенистой аллее, заросшей малинником, и Маша идёт медленно, нарочно шаркая кроссовками по гравию, чтобы предупредить о своём приближении. Тишина вокруг стоит такая плотная, что слышно, как где-то в кустах возятся дрозды, и как под ногами перекатываются мелкие камушки, и как колотится её собственное сердце – слишком громко, слишком испуганно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.